

Условия
образования
характера

Единство

Устойчивость

Противоречивость
характера

Анри Валлон

ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ ХАРАКТЕРА*

Два основных условия необходимы, и в то же время достаточны, для образования характера: *единство и устойчивость*.

Единство состоит в постоянном и одинаковом всегда действии, способы воздействия (реагирования). В настоящей индивидуальности все стремления направлены к одной цели, или, по меньшей мере, одно стремление подчиняет себе все остальные.

Если мы взглянем на человека как на совокупность инстинктов желаний и потребностей, то увидим пред собой тесно связанную группу импульсов, действующих в одном и том же направлении.

Устойчивость – это тоже единство, имеющее за собою свойство продолженности. Если между отдельными желаниями имеющаяся связь не отличается продолжительностью, то она утрачивает всякое значение в деле определения характера. Связь должна быть или постоянной, или возобновляться при одинаковых (аналогичных) обстоятельствах, всегда в одном и том же виде. Отличительным признаком настоящего характера может служить то, что, появляясь в действии, он на всю жизнь останется одинаковым; в таких случаях заранее можно предсказать то, что означенный субъект сделает, и чего он не сделает в тех или иных обстоятельствах, имеющих более или менее решающее значение. Такого рода характеры (настоящие), как мы это видим, бывают врожденными.

Такому определению можно поставить в упрек слишком большую отвлеченность. Цельные, неизменные, строго определенные характеры встречаются, действительно, довольно-таки редко; они тем не менее все-таки встречаются, и мы руководствуемся в наших суж-

---

* Публикуется по: Валлон А. Истоки характера ребенка, 1934.

дениях именно тем сознательным, более или менее ясным представлением о подобном типе. В нашем физиологическом, нравственном и эстетическом представлении о характере он рисуется нам как естественная потребность инстинкта стремления к идеальной цельности, лежащей в основе единства. Нам бывает неприятно встречать противоречие между чьими-нибудь убеждениями и поступками; как ни странно, но нам неприятно, когда в заведомом негодяе вдруг оказывается то хорошая черта, какое-то качество, – в хорошем человеке, наоборот, нас раздражает обнаружение какой-нибудь слабости.

Единство как идеал

А между тем, что может быть естественней этого? На театральных подмостках или в беллетристической литературе неопределенные, нецельные натуры в зрители не возбуждают симпатии*. Это происходит потому что индивидуальность представляется нам организмом, управляемым по неумолимым законам какой-то внутренней логики. Мы приписываем часто двоедущию и лицемерию то, что на самом деле представляет собою простой конфликт между разнородными стремлениями. Одним из главных результатов практики современных трудов о личности является, что они доказали, что единство – здесь не более как идеал и что личность может изобиловать даже непримиримыми противоречиями, не доходя при этом ни до умственной дезорганизации, ни до сумасшествия.

С такого рода оговорками наше определение имеет то преимущество, что представляет нам критерий, сильно упрощающий нашу задачу: очевидно, что среди громадного количества людей многие – и таких большинство – не имеют в себе ни единства, ни устойчивости, ни какого бы то ни было особого, им одним свойственного, индивидуального склада мысли или отпечатка.

Безличные
индивиды

Это бесчисленное количество безличных индивидов делится на две категории: первых – называют *аморфными*, вторых – *неустойчивыми*.

---

* Реалистам новейшей школы ставят в упрек нелюбовь, обнаруживаемую к герою или к героине романа, драмы или трагедии. Эту «нелюбовь» близорукие критики видят в таких недостатках, которые в качестве противоречия с прекрасными положительными данными выводимого типа находятся как бы в противоречии. Эти критики забывают, что задача реализма – правда. Но, называя подобных писателей протоколитами, указывают на то, что задача искусства – облагораживание человечества обрисованием абсолютных величин положительного или отрицательного свойства.

Имя *аморфным* – легион. Под этой категорией я разумею тех индивидов, которые не имеют своей особой формы, характеры которых приобретены. В таких лицах нет ничего врожденного, ничего похожего на особое призвание, словом – природа их создала до крайности податливыми. Лица *аморфного* свойства являются исключительно продуктом как обстоятельств, так равно и воспитания, влияния окружающей среды (людей, предметов). Такие лица не имеют сами по себе ни определенных желаний, ни действия – за них желают и действуют другие, а за неимением другого лица – общественная среда.

Они являются как бы не голосом. А лишь эхом, становясь такими или иными смотря по обстоятельствам. Вопрос об их профессии – дело случая как и их женитьба, и все остальное. Но раз уже попав в колею, они живут точно так же как и все их окружающие. Такие характеры не имеют индивидуальности, их можно назвать видовыми, профессиональными, это бесчисленная копия с существовавшего когда-то оригинала. Существует убеждение, что выработка подобных типов – дело цивилизации, и что, благодаря ей, их так много, но это верно лишь отчасти. Без сомнения, высшая культура сглаживает угловатости характера, и, что возвышая одних, в то же время принижает других, стремясь к общему уравнению. Но, однако, не нужно забывать, что на противоположном конце, то есть в диком состоянии – существуют только племена со своими инертными нравами, обрядами, обычаями, строго удерживающие раз установленные традиции, ставшие у них безапелляционным автократом-диктатором. Вот этот безграничный деспотизм, диктатура, не допускающие ни обсуждения, ни нарушений, а тем паче нововведений, – вот что давит культуру человечества тяжестью сугубой инерции.

Ломброзо не без основания называет такое дикое состояние *мизонеизмом*, исключая возможность культурного прогресса; такого рода состояние общества и не оказывает никакого содействия для индивидуального развития, подобно тому, как мы то видим в цивилизованных странах*.

---

* Возвращаясь к неустанной работе, которую вершит культура в цивилизованных странах, мы как уже выше замечено, невольно сталкиваемся с насильственным уравнением человеческих способностей и дарований. Царство посредственности в области науки, искусства и техники – не более как результат бесперывной работы культуры, желанная цель социализма новейшей формации.

Неустойчивые представляют собою образовавшуюся цивилизацию накипь и отбросы. Можно смело обвинить цивилизацию в размножении подобного рода типов. Являясь полной противоположностью нашему определению, они не имеют ни единства, ни постоянства. Они отличаются переменчивостью и непропорциональностью реакций; то вспыхивают, то остаются инертными, всегда капризны и ежеминутно меняются.

Главная их особенность состоит в том, что они действуют в различных обстоятельствах одинаково, а в тождественных различно; одним словом, обладают полной неопределенностью. <...>

Если мы отбросим эти две категории, одних – потому что они продукт среды, других – вследствие того, что они как бы являются бессвязным пучком почти безличных влечений – у нас останутся существующие сами по себе характеры.

Следует напомнить читателю роман с тенденциозною социалистическою подкладкою недавно окончившегося доктора Беллами. Проведенная этим автором система уравнений человечества, как известно, на общую посредственность возлагает надежды как на мировое спасение, идеал человечества грядущих веков.

Беллализм вызывавший в связь целую литературу, ровно как и массу полемических статей критического свойства признать и в действительности играть известную культурную роль, хотя бы и в отрицательном смысле.

Эпоха создает людей, ей необходимых, для прогресса в смысле совершенствования человечества. Беллализм потому и не выдерживает критики, что краеугольным камнем этой теории является предвзятый взгляд на степень совершенствования в смысле культуры, какая должна предполагаться в человечестве будущего. Но так как абсолютизма в деле культурного совершенствования человечества уже принципиально невозможно допустить, а прогрессии, выведенный Беллами общественный строй, оказался бы немислимим, то и вся теория.

Оказывается одной из тех утопий, какими полна наша социалистическая литература.

Всегда общество нуждалось в руководителях, вожаках. Не отрицая факта, что каждая эпоха рождала нужных ей людей, необходимые для культурного процветания характеры и типы, мы склонны утверждать, что в грядущих веках человечество для прогрессивного совершенствования (а таковое, несомненно, должно иметь место) будет и впредь нуждаться в интеллектуальных вождях.

Чем ниже общественный уровень, тем резче выделяются эти мировые характеры, достигающие особого рельефа в моменты народных движений. История нам доказывает, что наиболее благоприятные периоды для появления цельных характеров – были периоды полудивилизованные, как первые века римской республики или средние века. Эпохи волнений, рождения и, вообще, все временные революции.

Задачи
классификации

Их-то мы и должны попытаться классифицировать. Как всякая хорошо составленная систематическая классификация, так и наша должна постепенно спускаться от общего к частному. В ней должно определить роды, виды, разновидности и таким образом прийти до самого индивида. Теория четырех темпераментов имеет тот недостаток, что она очень общая: не имея средних, промежуточных делений, приводящих ее к индивиду, она как бы висит в воздухе. Она кроме родов ничего не определяет.

Некоторые авторы, по-видимому, обратили внимание на этот пробел и ввели в свои сочинения также и смешанные характеры, но в этом спорном вопросе, как в смысле описуемых характеров, авторы оказывались нередко в противоречии. В нижеприведенных попытках классификации мы найдем четыре и более или менее определенные ступени, отличающиеся специфически менее и менее общими признаками.

Ступени
классификации

На первой ступени стоят так называемые общие условия, как бы рамки, лишённые всякого содержания и не похожие ни на какую действительность – вроде зоологических и ботанических «родов».

На второй, аналогичной «видам», находятся уже чистые, (основные) типы характера – *formes pures*. Эти формы реальны, существование которых уже можно доказать или проверить опытом.

На третьей ступени помещаются формы смешанная (или сложные), – аналогичные разновидностям и менее резко очерченные, чем предыдущие.

Четвертую ступень занимает, заменяющий многим людям, являющийся как бы эквивалентом, частичный характер. Подобные формы все более и более отдаляются от чистого типа.

Признаки уклонения

Признаки
уклонения
от нормального типа

Прежде всего нужно знать, на основании каких признаков мы выводим заключение, что данный характер и представляет собою уклонение от нормальных типов. Не возвращаясь к тому, о чем уже была речь <...>, можно сказать вкратце:

1. Настоящий характер сводится в одной черте к одному преобладающему стремлению, которое придает ему на всю жизнь единство и устойчивость. Это понятие несколько отвлеченное: но чем резче очерчен характер, тем ближе он приближается к этому идеалу.

2. На практике цельный характер всегда (за некоторыми редкими исключениями) допускает возможность

предвиденья и предсказания. Мы заранее знаем, что сделает в данном случае человек деятельный, чувствительный, флегматический, созерцательный. Нейтральные характеры, в сущности, не имеющие никакого характера, действуют под давлением обстоятельств или под влиянием других. Точка опоры для предвиденья находится поэтому не в них, а вне их.

В характерах ненормальных один из этих признаков или оба отсутствуют; чем больше характеры уклоняются от этих двух существенных условий – единства и возможности предвиденья, – тем больше они удаляются от типичных форм и становятся, наконец, явно болезненными.

Три группы характеров, удаляющихся от нормальных форм

Можно было бы подумать, что аномалия характера в том виде, в каком показывает их нам наблюдение, так разнообразна и многочисленна, что не поддается никакой классификации и что нет возможности разобраться в их хаосе; мне кажется тем не менее, что вышеуказанные признаки дают нам руководящую нить. Мне почти нечего говорить о том, что я исключаю из группы аномалий те легкие, переходящие, которые являются не более как временными нарушениями единства характера. Цезарь, Ришелье, Наполеон представляет собою совершенно определенные типы, а между тем в некоторые моменты жизни они переставали быть и самими собою. У Наполеона, например в то время, когда его везли на остров Эльбу среди ярости и оскорблений народа, были минуты удивительного малодушия. Такого рода факты служат лишним доказательством того, что вполне целый характер не более, как идеал: тем не менее мы еще не считаем болезнью нездоровье, продолжающееся несколько часов. Сделав эту оговорку, мы можем теперь в нашей классификации следовать за регрессивным переходом от строгого единства к разнообразию, от прочности к разложению; мы найдем при этом три группы, все более удаляющиеся от нормальных форм: 1) характеры противоречивые в последовательности (*contradictories simulatés*); 2) характеры противоречивые одновременно; 3) характеры неустойчивые или полиморфные – последняя степень дезорганизации. Нам остается рассмотреть их в этом порядке.

Характеры противоречивые в последовательности

Под характерами противоречивыми и в последовательности и подразумеваю раздвоенные на два противоположенных способа чувства чувствовать и действовать так, что взятая в целом жизнь человека кажется принадлежащей двум индивидам: одному до кризиса, другому – после него.

Прежде чем рассмотреть примеры из действительной жизни, мы должны исключить из нашего изучения:

1. Характеры мнимо-противоречивые; ими изобилует политическая история. Таков Кромвель, который казался то фанатиком, то грубым шутником, но в сущности всегда был очень практичным человеком с одним и тем же господствующим стремлением. Характер здесь не является противоречивым или неустойчивым, а наоборот – единым и крепким: в цели существует полное единство, и противоречия сказываются только в средствах. Моралист справедливо называет такие характеры фальшивыми, потому что они носят маску. Но для психолога они представляются нормальными и при том резко очерченными. Они часто встречаются в нашей обыденной жизни; для того чтобы казаться противоречащим самому себе, человеку вовсе не нужно актерствовать; нужно только оставаться верным преследуемой цели и не быть разборчивым в средствах. Те, которые в эпохи революций, под влиянием страха внезапно перерождаются и ради собственного спасения не щадят даже своих близких, принадлежат к этой же категории: единство их характера выражается в заботе о самосохранении.

2. Изменения характера, вызываемые ходом самой жизни переменой обстоятельств. Так действительный характер может поочередно проявляться то в любви, то в стремлении к богатству.

Оставив эти сомнительные случаи, мы можем разделить характеры противоречивые в последовательности на два класса: в первый входят аномалии, во второй – патологической формы.

Аномалии характера

Первый класс. В виду того, что в нашей классификации мы мало-помалу удаляемся от нормального состояния, нам следует начать с форм смягченных, представляющих собою не более как уклонения от идеала характера, то есть от постоянного и неизменного единства. Оставляя в стороне идеал, мы все-таки можем сказать, что характеры противоречивые в последовательности представляют исключения из общего правила, так как даже в нейтральных типах сохраняется в течение всей жизни некоторое единство, а именно – единство их неизменной эластичности.

В этом классе я различаю два случая. Читатель находит, быть может, слишком многочисленными эти подразделения и подраздела, но они необходимы, когда мы классифицируем, то должны устанавливать разли-

Изменение
направления одного
и того же
преобладающего

чия, а когда следим за ходом регресса, то должны отмечать каждый шаг к дезорганизации.

1. Самый простой и самый близкий к нормальному состоянию случай, это – изменение направления одного и того же стремления, преобладающего в данной личности. Таково превращение физической любви, составляющей содержание первой половины жизни, в любовь платоническую, наполняющую вторую половину жизни (Раймунд, Луллий); обратное явление также встречается нередко, и примеры его можно найти у мистиков. Таковы искренние перемены религиозных или политических убеждений (Св. Павел, Лютер). То же бывает в тех случаях, когда пыл темперамента, расходующийся сначала на добро, тратится затем на зло или наоборот. Моралист видит в этом полное перерождение, как бы замену одной личности другою; для психолога же это лишь перемена направления, а человек остается одним и тем же. Нетрудно заметить, что в глубине двух противоположностей лежит общее основание, скрытое единство; одинаковая по количеству или качеству энергия направляется на две противоположенные цели, но в бабочке без всяких усилий мы можем узнать куколку.

Существование
глубокой
и настоящей
двойственности

2. Таковы смягченные формы. Что касается таких случаев, дальше уклоняющихся от общего правила, то они предлагают существование глубокой и настоящей двойственности: таков, например, переход от оргии к положительному (в противном случае это не более как временное явление) аскетизму, переход от деятельной жизни к созерцательной (Диоклетиан) или от созерцательной к дательной (Юлиан Отступник), вообще все те случаи, когда человек сжигает то, чему поклонялся или поклоняется тому, что сжигал; когда в одном и то же индивидуе мы находим как бы две личности. На обыденном языке это называется «обращениями», они могут быть религиозными, философскими, научными и т.д., но всегда состоят в замене одного стремления противоположным, одного верования – другим противоположным, одной формы единства – другою; все эти способы выражения представляют собою синонимы, обозначающие различные психологические стороны совершающегося превращения. Заметим мимоходом, что общественное мнение видит в людях, прошедших через два противоположных фазиса, только один из них, обыкновенно, последний, окончательный, или же наиболее продолжительный и блестящий; другой фазис остается в тени. Св. Августин является для всех таким, каким он стал после своего обращения; Диоклетиан – таким. Каким он

был до отречения. В основе такого суждения лежит стремление нашего ума к упрощению и единству. В данном случае – человеческого характера. Каким образом происходит это превращение, в некоторых случаях разделяющее жизнь на два противоречивых фазиса? Общего ответа на это дать невозможно, потому что каждый частный случай предполагает особые условия, но все-таки попытаемся приблизительно определить наиболее часто действующие причины.

Физические
причины

Прежде всего, – причины физические. Есть серьезные болезни, которые, изменяя организацию человека, тем самым изменяют и его характер, показывая, таким образом, в какой тесной зависимости этот последний находится от синестезии (все равно примем ли мы за основание химические изменения в питании или согласно гипотезе Генле и Зеланда изменения физические). Причиной могут быть также сильные сотрясения, а именно поражение головы, о которых нам еще придется говорить дальше. Азам приводит несколько примеров таких превращений: трудолюбивый и спокойный человек приобретает под влиянием сложного перелома ноги импульсивный и невыносимый характер (автор предполагает в этом случае мозговую ишемию); у другого при таких же обстоятельствах веселый характер заменяется неизлечимой меланхолией; упорная лицевая неврология превращает доброго по природе человека в злого и раздражительного и т.д.

Нравственные
причины

Затем причины нравственные. Они действуют, по-видимому, как удар, последствия которого обнаруживаются или сейчас, или же через долгое время, вследствие чего превращение бывает или внезапным, или медленно приготовленным. Типом первых служат обращения, явившиеся следствием неожиданного кризиса: например, влияние видений св. Павла, несчастного случая – на Паскаля, признание одной из его возлюбленных – на Луллия; сюда же относится пример испанского дворянина Марана, историю которого столько раз рассказывали и который полжизни был Дон-Жуаном, затем внезапно изменился под влиянием церковного пения. «Нисхождение благодати» теологов совершенно верно психологически. Вторые являются не сразу, а после борьбы между старыми и новыми стремлениями: св. Августин, Лютер, Ф. Борджиа при виде своей мертвой императрицы (жены Карла Пятого) решил отречься от мира, но исполнил это лишь гораздо позднее. К этим известным именам можно прибавить и имена других людей, не известных, но знакомых каждому читателю.

Психологический
механизм
обращений

Мы можем задать себе вопрос: действительно ли эти перемены, даже самые внезапные, так неожиданны. Как кажется, не вытекают ли они из прошлой жизни и не являются ли ускоренным результатом полусознательного инкубационного подготовительного периода? Как бы то ни было, психологический механизм обращений очень сходен с механизмом развития непреодолимых импульсов. В своей полной эволюции она проходит через три момента: 1) представления о противоположной цели или противоположном идеале, что случается со всеми, как состояние проходящее и не ведущее ни к какому действию; если оно только проскользнет в уме и окажется временным, то результатов не будет; 2) это понятие должно, следовательно, превратиться в *Idée fixe*, как всегда упорную, преобладающую над всеми остальным, заполняющую всего человека; 3) наконец, этот процесс завершается самим актом, так как акт уже заключается в *Idée fixe*, а *Idée fixe* есть вера и как всякая вера предполагает свой объект осуществленным или долженствующим осуществиться. Вообще, мы не видим никаких результатов до тех пор, пока идея не сделалась импульсом. В случаях внезапного превращения порыв страсти обнаруживается и сразу же одерживает победу. Здесь мы опять-таки видим сходство с неотразимыми импульсами, которые переходят в действие или после периода предварительной борьбы или как мгновенный подъем духа.

Но существуют и некоторые различия, выражающиеся тем, что новый способ чувствования, мышления и действия является продолжительным. Эта устойчивость была бы невозможна, если бы в организации индивида не происходило глубокого изменения. Обращения не создают нового стремления, они только показывают, что в нас живут стремления самые противоречивые и что одним из них заменяется другое, но не под влиянием нашей воли, всегда ненадежной, а вследствие радикального переворота в нашей чувствительности.

Патологические
формы характера

Второй класс. В этот класс входят характеры перемежающиеся, настроение которых меняется с такой быстротою и так часто, что они приближаются к характерам одновременно противоречивым. Вместо двух различных характеров – первого до, второго после кризиса – которые на всю жизнь данного человека могут быть выражены формулой: А, затем В, мы имеем здесь перед собою смену двух форм характера (с промежуточным кризисом или без него), формулой которой будет: А, затем В, затем А, затем В и т.д.

Эта смена встречается и в нормальном, и в ненормальном состоянии, но она бывает там слишком мимолетна или трудноуловима, чтобы ее можно было отличить от характеров неустойчивых, между тем как в формах болезненных она является как бы в несколько увеличенной форме. Сюда относятся явления, которыми так много занимаются в наше время и которые известны под названием болезней, расстройств личности. Читателю они знакомы: кроме того, они отчасти заходят за пределы нашего предмета, и я их коснулся. То только для выяснения одного частного пункта, а именно измененный характер.

Явление смены личностей

В явлении смены личностей в одном человеке мы можем рассматривать или физиологические изменения, довольно неясные, или изменения интеллектуальные, которые сводятся почти что исключительно к памяти, или, наконец, изменения аффективные, которых вообще несколько игнорируют и которые из некоторых наблюдений даже совсем исключаются. Нас интересуют только последние, так как они находят в себе выражения в сменах характера.

В самом деле. Если мы возьмем законченные наблюдения, то увидим, что различие двух личностей состоит не только из смены двух различных и обыкновенных противоположных аффективных настроений. Знаменитая Фелида Азам бывает в первом своем состоянии мрачной, холодной, сдержанной, а во втором – веселой, экспансивной, оживленной до кокетства, резвой. На примере Марии Рейнольдс, приведенном Вейр Митчелем, мы видим сначала меланхолическую, молчаливую женщину, избегающую людей; затем в ее новой личности «ее настроение в целом меняется»: она веселится до сумасшествия, становится шумливой, ищет общества или же странствует пешком и верхом по лесам, долинам, горам, наслаждаясь до опьянения природой и никогда не чувствуя страха. Эти смены продолжались у нее шестнадцать лет, затем «эмоциональная противоположность между двумя состояниями, по-видимому, постепенно сгладилась» и привела к среднему состоянию, «сделавшееся постоянным». Напомним также известное наблюдение Л.В., который самостоятельно проявлял две противоположные формы характера: он то бывает болтливым, дерзким, буйным, грубым, непослушным, способным на воровство и стремится убить тех, кто дает ему приказания, то становится мягким, вежливым, молчаливым, умеренным, почти детски застенчивым. Я говорю «самостоятель-

Зависимость
от смены
аффективных
настроений

но», потому что Бурю и Бюро вызывали искусственно у В. некоторые физические изменения, сопровождавшиеся изменениями в характере, но ограничиваясь только естественными переменами. Для других примером отсылаю читателя к специальным трудам о болезненных изменениях личности.

Я допускаю, что смена различных состояний памяти, – самое странное и поразительное явление во всем этом, – зависит от смены аффективных настроений, т.е. характера, которая в свою очередь вытекает из изменений физиологических, так что, в конце концов, все сводится к синестезии. Когда, например мы видим у Л.В., что буйный характер всегда сопровождает паралич и анестезию правой стороны, а мягкий характер – паралич и анестезию левой (не говоря уже о частичных изменениях, которые следуют за параплегией и полной анестезией, вызванных и искусственно в состоянии гипнотизма), то трудно не признать, что изменения памяти, характера и физических привычек составляют почти неразрывное целое. Такого именно заключение, выведенное Бурю и Бюро из своих опытов. За неимением положительных доказательств того, что перемены на синестезии являются первоначальным фактором в этой смене характеров, мы можем сблизить эти явления с одной душевной болезнью, где, благодаря более простой форме смены, можно лучше уловить ее физиологические условия, а именно с помешательством в двойной форме, называемым также помешательством круглым или циркулярным, помешательством и сменяющимися формами и т.д. Оно состоит из правильной смены двух периодов: угнетенного состояния и экзальтации. Переход от одного к другому происходит или мгновенно, или постепенно и незаметно, но во всяком случае контраст между двумя периодами бывает очень ясный. В период угнетения мы находим следующие аффективные симптомы: меланхолию, чувство усталости, как бы оцепенение, равнодушие, смутный страх, беспокойство по поводу всего. С физической стороны мы видим, что больной худеет, стареет, покрывается морщинами, кажется разбитым; температура тела понижается, наблюдается сильное ослабление пульса, уменьшение отделений и выделений и веса тела (до десяти фунтов в неделю).

Во время возбуждения мы имеем перед собою диаметрально противоположную картину: чувство довольства, радость, гордость, избыток деятельности; совершаются энергически и легко. «Этот контраст, – говорит один психиатр, – одна из самых любопытных и интересных особенностей психиатрии».

Характеры
неустойчивые
или полифонные

Неустойчивые или полифонные характеры могут быть названы характерами разве только благодаря злоупотреблению этим словом: в них нет не единства, ни устойчивости; мы не можем предвидеть, как они поступят в том или ином случае, и каждый раз встречаемся с загадкой. Мы имеем здесь, в сущности, разложение характера. Так что все представители этой группы являются патологическими.

Разбирать эти характеры бесполезно, потому что они понятны сами собою. Мы находим главные их типы у истеричных, изменчивая психология которых была столько раз и так хорошо описана, что на ней излишне останавливаться, а также у авантюристов, история которых со всеми ее бесчисленными видоизменениями сводится всегда к одному и тому же: преждевременное развитие, отсутствие домашней и школьной дисциплины, побег из дому, неспособность к систематическому труду. Такой человек переходит от увлечения к отращению. За все принимается и все бросает и таким образом спускается все ниже под влиянием случайных настроений и обстоятельств до окончательной катастрофы, которая приводит его на скамью подсудимых или в дом умалишенных.

Причины этой неустойчивости могут быть врожденными или приобретенными.

Врожденные
причины
неустойчивости

Спазматический диатез, т.е. склонность к судорожным заболеваниям, как его называет Маудсли, бывает по большей части врожденным. Он характеризуется различными симптомами, обозначаемыми под общим именем вырождения, и распадается на две категории – особенности физические и особенности психические; эти симптомы слишком известны для того, чтобы нужно было их перечислять.

Приобретенные
причины
неустойчивости

Неустойчивость, приобретенная в течение жизни, бывает результатом некоторых болезней. Главным образом, поранений и сотрясений мозга, особенно лобной его доли.

Такого заключение, которое можно вывести из наблюдений Давида Феррье, Бойе, Лепина и др. В последнее время Аллен Стар наблюдал в 23-х случаях из 46 как исключительные симптомы умственную тупость, неуравновешенные и импульсивные действия, отсутствие контроля воли, потеря задерживающей способности, т.е. явления, совпадающие специальной поврежденными левой стороны лобной области.

Полон в своем труде о «характерах», изучая тех, кого он называет беспокойными, нервными и придир-

чивыми, приводит несколько примеров. В том числе Альфред-де-Мюссе, основываясь на стыки, сделанной Ж. Занд. «После этих ужасных сцен, – говорит Мюссе, – какая-то странная любовь, какая-то до крайностей доведенная экзальтация заставляла меня относиться к моей возлюбленной, как к божеству. Через четверть часа после того, как я ее оскорбил, я был уже у ее ног; как только я перестал обвинять ее, я просил прощения; как только переставал издеваться над ней, я плакал».

«Реакция овладевала им тем внезапнее и сильнее, чем живее была его радость... в нем точно было две души, которые вместе старались одушевлять его тело и вели между собой борьбу за преобладание... Неизменным правилом неслыханном, но абсолютным, было в этой странной натуре то, что сон изменял все его решения: если он засыпал с сердцем полным нежности, то просыпался с жаждой борьбы и убийства, если накануне уходил с проклятиями. То на другой день прибывал с благословлениями» (Ж. Занд).

Из этого и других аналогичных примеров Полон выводит, что «эти типы являются результатом преобладания ассоциаций по контрасту». Мне кажется, что психология совершенно справедливо сводит ее в конце концов к ассоциации по сходству, смешанной иногда с элементами смежности. Кроме того, контрастность существует только между двумя противоположностями, тогда как у «нервных» беспокойных и придиричивых мы видим не только переход от одной противоположности к другой, но и от одного состояния к другому, так что, в общем, они переходят через целую гамму. Наконец, ассоциация по контрасту имеет определенную форму только как явление интеллектуальное, и нельзя сказать, что любовь как представление вызывает представление о нестойкости, или что идея ревности вызывает идею равнодушия. Ассоциация идей есть нечто иное чем последствия, результат. Выражение в сознании более глубоких явлений – явлений аффективного или даже органического порядка. Если А. Мюссе, сейчас только представлявший себе Ж. Занд божеством, обращается с ней затем как жестокий плантатор с рабыней, то эта перемена направления зависит от способа чувствования, а не от способа мышления. Я вижу в этом, скорее, результат быстрого, но частичного истощения часто встречающегося у неуравновешенных людей.

Если мы хотим сохранить слово «контраст», то должны понимать его не в психическом смысле, а так, как его понимают филологи, когда говорят о последовательном контрасте, приписывая его утомлению частей сетчатки глаза).

Ассоциации по контрасту и ассоциации по сходству

Неустойчивые типы как «психологическое детство»

Неустойчивые типы могут быть, по моему мнению, выражены и объяснены термином «психологическое детство». Можно было бы также сказать, что мы имеем здесь приостановку в развитии, но это выражение не применимо ко всем случаям.

В самом деле, если мы посмотрим на отличительные черты детского характера (за некоторыми исключениями), то мы прежде всего заметим его неподвижность: дети хотят то того, то другого, то третьего, быстро доходят до крайности, переходя от увлечения к отвращению, от смеха к слезам; они представляют собою бессвязный союз влечений и желаний, из которых каждое исключает остальные. Затем отмечаем слабость или полное отсутствие воли в ее высшей форме, задерживающей и согласующей силы. Являются ли они импульсивными вследствие отсутствия задержки или неспособными управлять собою вследствие излишка импульсов? И тот и другой случай встречаются, причем результат бывает один и тот же. Общая характеристика их это характеристика неустойчивых типов, то есть отсутствие сложившегося характера.

Термин «детство» приложим одинаково как к формам врожденным, так и к формам приобретенным. Одни никогда не переставали быть детьми, другие делаются ими вновь.

Они находятся на одном уровне: одни, потому что недостаточно высоко поднялись, другие, потому что слишком низко спустились, то есть мы видим здесь или остановку в развитии или регресс. Возможное возражение, что такая неустойчивость много раз встречалась у выдающихся умов, не может иметь никакого значения, так как гений – одно, а характер – совершенно другое, а здесь речь идет исключительно о характере. Когда в виду несообразностей в их поведении, таких людей называют «взрослыми детьми», то этими словами отмечают очень верную черту, хотя и не вполне научно.

Вообще начиная от настоящего характера, который никогда не осуществляется вполне и без перерывов, хотя и коротких, мы видим всевозможные степени нарушения единства до того момента бессвязного разнобразия, когда характер не имел возможности родиться или же перестал существовать вовсе.

Характеристика всех этих разновидностей – вот наша задача, которую мы решили себе задать. Смейте думать, что внесли некоторый порядок в классификацию характеров, допускающий более тщательное исследование.

Остановка в развитии или регресс

